

УДК 821.111 + 811.111'255.4

ВОССОЗДАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. СТЕФАНИКА И О. КОБЫЛЯНСКОЙ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Старченко Т.В.

Актуальность. Современный мир – сложная поликультурная среда, где различные культуры постоянно и динамично взаимодействуют. Межкультурная коммуникация давно стала привычной, неотъемлемой частью нашей жизни, а перевод – один из самых действенных инструментов межкультурного общения. «Задачей художественного перевода является трансляция художественной информации, которая осуществляется посредством переводческого моделирования фактуальной, концептуальной и эстетической информации художественного текста» [1]. Совершенно очевидна заинтересованность в продуктивности перевода, достижении эквивалентности.

Постановка проблемы. Эквивалентность перевода – это полноценная передача денотативного содержания оригинала с соблюдением языковых и узуальных норм переводящего языка, с сохранением структурно-семантических особенностей исходного текста и с учетом равноценного регулятивного воздействия на адресата переводного текста [6]. В теории и практике художественного перевода всегда актуальной и всегда достаточно сложной остается проблема воссоздания образности, в частности метафорической. Требования к переводу тропеических средств особенно возрастают в тех случаях, когда метафорическое словоупотребление является одной из важнейших особенностей стиля автора [7; 2].

Закономерно и мотивированно обращение переводчиков к творчеству классиков украинской литературы Василия Стефаника и Ольги Кобылянской, наследие которых продолжает свою активную жизнь, участвуя в обогащении разных национальных художественных культур.

Вписываясь в контекст целого как художественного единства, метафоры Стефаника и Кобылянской в значительной степени способствуют созданию эмоциональной тональности произведений, разнообразной гаммы многочисленных ассоциаций, что, разумеется, связано с общей авторской позицией, особенностями мировосприятия, образного мышления, художественной манеры, стиля. Наиболее полное отражение в переводе всех этих разноплановых, отличающихся довольно сложной взаимосвязью моментов зачастую представляет собой нелегкую задачу. Совершенно очевидно, что должен сохраниться определенный инвариант: в нашем случае, при переводе метафоры, речь может идти о воссоздании комплекса – семантического наполнения, стилистической направленности и художественно-эстетического компонента.

Особенности художественной манеры Стефаника и Кобылянской, выражающиеся в сфере образной реализации слова, по-разному отражаются в переводе. Так, достаточно часто происходит перевод на уровне эквивалентов, т.е. в языке перевода находятся равноценные или соответствующие по наибольшему числу параметров элементы,

способные выполнять те же смысловые, стилистические, экспрессивные функции, что и тропы оригинала, и имеющие, как правило, одинаковую структуру. Метод фактически дословной передачи в большинстве случаев не сталкивает на неблагоприятный путь буквализма. Причина – частое совпадение возможностей прямого и метафорического употребления слов, одинаковая или примерно одинаковая их семантическая сочетаемость в русском и украинском языках. Так, в новелле В. Стефаника «Басараби» есть интересный, явно окказиональный троп: многочисленное семейство Басарабов, слушая подробную, страшную исповедь одного из персонажей, словно оцепенело: «Басараби якби поснули в *дубовім сні*» [8, с.113]. В переводе – абсолютное лексическое соответствие: «Басарабы будто в *дубовый сон* впали» [9, с.132]. Метафорический эпитет «*дубовый сон*» содержит, вне всякого сомнения, дополнительный смысловой акцент: «дубовость» сна Басарабов означает, вероятно, не только их неподвижность, но скорее и прежде всего непонимание тех страшных ассоциаций и видений, о которых говорит их родственник. Подтверждает это дальнейший контекст: «Мой, а вийдіть за Миколаєм, де він пішов? – сказала Семениха. Басараби здригнулися, жаден не зрушив з місця. Покаменіли» [8, с.113]. Тут они поняли, что стоит за этим вопросом (параллель с поступком только что говорившего – а он пытался покончить жизнь самоубийством – провести им нетрудно). Поняли, и страх сделал их неподвижными, *каменными*.

Вопрос воссоздания метафор с помощью образов-аналогов представляется интересным, но весьма не однозначным, поскольку аналоги, будучи образами в целом подобными, сходными, сохраняющими, как правило, свою структуру, но лишь частично совпадающими с точки зрения смысловой и стилистической информации, уровня эмоционального воздействия, составляют определенный промежуточный пласт между эквивалентами и ярко выраженными трансформами. Передача рационального и эмоционального планов метафор оригинала при помощи аналогов предусматривает перевод на уровне синонимических рядов. Не всегда избранные переводчиком синонимы содержат наибольшее число оттенков значения оригинала. Переводчики зачастую останавливаются на аналогах более традиционных из-за неоправданной боязни, что читатель чего-то не поймет, что-то покажется ему слишком смелым, поэтому лучше пригладить, придать привычную и, главное, удобовоспринимаемую форму. Пример из перевода повести О. Кобылянской «Земля» – речь идет о Рахире, недобрая воля которой магически воздействует на Савву: «Мабуть, ні одна дівчина на світі не вмiла так любити, як вона!.. Своїми великими, червоними устами пила з нього всю енергію і силу, *тiла його*, коли лиш гляділа на нього своїми очима» [3, с.34]. В переводе: «... своими большими, красными губами она высасывала его энергию и силу; *высасывала*, когда только глядела на него своими глазами» [5, с.49]. Можно, конечно, возразить, так ли уж существенна разница: она настолько существенна, насколько ощутима разница между авторским «*тiла його*» и устойчиво традиционным «*высасывала*» (ср. «высасывать кровь, силу»).

Вызывают замечания изменения, в определенной мере нарушающие стиль авторских произведений, придающие совсем не свойственные ему черты банальности, бесцветности. Подобное может происходить, когда переводчики обращаются к трансформам: это может быть, например, переход метафоры в сравнение, скорее – «растворение» метафоры в сравнении. В новелле В. Стефаника «Майстер» герой рассказывает о событиях (в частности, о своем сне), которые резко изменили его жизнь: «А мені сниться, що я десь у вишневім саду лежу та на сопівку граю. *Вишні зацвіли, аж молоко капав...*» [8, с.51]. В переводе: «А снится мне, что где-то лежу я в вишневом саду и играю на

свирели. *Вишні цветуть, стоять, як молоком облитые*» [9, с.29]. Очевидно, что изменяется интенсивность метафорического действия – переводчик опять-таки словно опасается смелости авторской метафоры, вводит элемент сравнения (а это сразу освобождает от забот о лексической сочетаемости слов, принадлежащих к различным семантическим сферам) и успокаивается.

Встречаются в переводах и попытки «дополнить» автора, внося в его образ элементы явно избыточной информации. Читаем у В. Стефаника: «Передо мною стояв новий світ, новий і чорний. *Я ловився за його поли, а він згідно глядів на мене*» [8, с.178]. Перевод: «Передо мной стоял новый мир, новый и черный. *Я хватался за его полы, как маленький нищий*, а он высокомерно глядел на меня» [9, с.29]. В данном случае деавтология (появление в переводе новой образности) носит характер сугубо субъективный, немотивированный.

Немногочисленны случаи выпущения отдельных компонентов тропов и целых метафорических образов. Тем досаднее становится деметалогия, замена метафорического словоупотребления прямым, чем бедней предстает авторский стиль, проще выглядягт ассоциации, возникающие у художника. В повести «Земля» О.Кобылянская передает страшное отчаяние отца: случилось невероятное – младший сын убил старшего из-за земли. Писательница употребляет реалистично звучащий окказиональный метафорический эпитет: «Та тут і урвався заржавілий голос. Удвоє покiрно похилена стать повалилася наново до ніг» [3, с.247]. В переводах: «Тут оборвался его охрипший голос...» [4, с.255]; «Но тут его хриплый голос пресекался...» [5, с.390]. Т.е. в обоих переводах, строго говоря, метафоры нет. Смысл не пострадал: из-за долгих причитаний охваченного горем Ивоники его голос мог охрипеть, пострадала образность, ведь в оригинале достигается особая концентрация, компрессия качества, происходит материализация – потрясение героя столь велико, что и голос мог «заржаветь».

Выводы. Эквивалентность при воссоздании метафорики выдающихся мастеров украинского слова В. Стефаника и О. Кобылянской вполне достижима. Речь может идти о денотативной эквивалентности, а также коннотативной, текстуально-нормативной, прагматической и эстетической. Воссоздание метафорической образности произведений В. Стефаника, О. Кобылянской средствами русского языка – задача выполнимая, но непростая, поскольку система метафор этих авторов сложна, тесно связана с внутренней темой, с эстетическим наполнением.

Список литературы

1. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика / Под ред. проф. С.Ф.Гончаренко. Вып.24. – М., 1999. – С.107-122.
2. Демченко І.А. Особливості поетики Ольги Кобилянської. – К., 2001.
3. Кобилянська О.Ю. Твори: В 5-ти т. Т.2. – К., 1962-1963.
4. Кобылянская О.Ю. Земля. – М., 1948.
5. Кобылянская О.Ю. Земля. – М., 1963.
6. Латышев Л.К. Технология перевода. – М., 2000.
7. Островська А.С. Експресіонізм у творчості Василя Стефаника. – Донецьк, 2004.
8. Стефанік В.С. Твори. – К., 1964.
9. Стефанік В.С. Избранное. – М., 1971.

Поступила в редакцию 21.02.2006 г.